

... ОГЛАВЛЕНИЕ ...

Пролог. Надя, Феникс и кровать.....	5
Глава 1. Певицу с фамилией Ягодкина сложно воспринимать всерьез. Но придется.....	9
Глава 2. Его императорское величество Феникс и прочие сложности.....	23
Глава 3. Большая дружная семья на выезде.....	38
Глава 4. Коварный план коварного Феникса.....	49
Глава 5. Как Надя в народ ходила.....	64
Глава 6. Красная Шапочка, или Ягодное запахло.....	77
Глава 7. Договорные обязательства, форс-мажорные обстоятельства.....	90
Глава 8. Все когда-то случается в первый раз.....	101
Глава 9. Цекцуальный ликбез, или Как сложно быть и. о. старшей сестры. А шальной императрицей – еще сложнее.....	115
Глава 10. Падшая Надежда, дракон и свет в конце тоннеля.....	128
Глава 11. Новые обстоятельства и дело, подлежащее пересмотру.....	137
Глава 12. Необучаемый император и драконья мать. Часть 1.....	147
Глава 13. Необучаемый император и драконья мать. Часть 2.....	157

Глава 14. В гостях у дракона. Часть 1.	176
Глава 15. В гостях у дракона. Часть 2.	191
Глава 16. Откровенные разговоры, или О чем недоговаривал Феникс	206
Глава 17. Тайны сердечные, тайны алых сиринов.	218
Глава 18. О предках, потомках и новой картине мира . .	240
Глава 19. О долге, чести и о любви.	252
Глава 20. Совет да любовь.	264
Глава 21. Враги, недруги и прочая нечисть	274
Глава 22. Мир, который спасет любовь.	283
Глава 23. И жили они долго и весело	292
Эпилог, или С каких слов ни один хороший разговор не начинается	312

...ПРОЛОГ...¹

Надя, Феникс и кровать

Феникс в моем представлении — это такая птица с огненными крыльями, а не двухметровый мужик с размахом плеч как крылья у орла, который медленно и неотвратно наступал на меня, как инфаркт на заядлого курильщика. Ему инфаркт не грозил точно, поскольку с физической формой у него все было более чем окей. Про размах плеч я уже говорила? Так вот, помимо плеч в наличии были крепкие руки с литыми мышцами, широкая грудь и пресс, которому обзавидовались бы современные голливудские звезды под лозунгом «за здоровый образ жизни», посещающие качалку три раза в день. Еще и горячий, как вулкан!

Когда он остановился в нескольких сантиметрах от меня, я всей кожей ощутила жар его тела, из-за чего чуть не задымилась сама. Буквально. Кожу словно опалило огнем, а все волоски встали дыбом, готовые исполнять роли проводников в мир чувственных удовольствий.

— Разденетесь сами, ларэй?¹ — скользнув по мне взглядом, поинтересовался он. — Или вам помочь?

¹ Обращение к незамужней женщине.

Голос у него тоже был глубокий, низкий и гулкий, рождающийся как пламя в эпицентре вулкана. Я даже не представляла, каким он может быть, когда этот тип в ярости, — хотя как певица обладала недюжинными знаниями об октавах, тонах и прочих сопутствующих музыкальностях.

— Справлюсь, — стараясь не выдать голосом ни толики нахлынувших на меня чувств, ответила я.

Тот факт, что я сама на это подписалась, дела совершенно не менял. В конце концов, кому какая разница, что мне нужно спасти сестру, а он — единственный, кто способен это сделать? Ну то есть не он, а его сила, сила Феникса, способная вытащить мою Веру, сделать то, на что не способны врачи нашего мира. Сила, полную мощь которой он сможет обрести только с моей помощью, а точнее — после того, как проведет со мной ночь.

Сказать, что я была не в восторге от открывающихся мне перспектив, — значит ничего не сказать, но я точно знала, что Вера бы сделала для меня все. И даже больше. А значит... значит, просто нужно это сделать, а после вернуться в свой мир и жить как обычно.

Потянулася привычным жестом к замку на платье и мысленно выругалась. Потому что на платье не было замка, точнее, его не было на этом платье. Взамен был предусмотрен корсет с кучей клепочек, застежек и, разумеется, тех самых шнуров, которые можно использовать как удавки в лихом шпионском боевике.

— Значит, помочь, — усмехнулся мужчина, заметив, а если быть точной, впитав мой кислый вид в глубину темно-синих, как летняя ночь, глаз. Одним

движением развернул меня спиной к себе и с такой легкостью принялся избавлять от досадного недоразумения, коим являлись местные женские наряды, как будто только и делал, что этим занимался.

Впрочем, не исключено. Я видела, как на императора смотрели придворные дамы и как они смотрели на меня (правильный ответ — как будто хотели придушить той самой шнуровкой), и вот теперь... теперь его пальцы легко расправляются с застежками на моем платье. Миг — и оно с шуршанием падает к моим ногам, а прикосновение к спине, когда он берется за шнуровку, заставляет меня всю покрыться мурашками.

Их (этих мурашек) здесь быть не должно, но они есть, я это не просто знаю, я их вижу. Закатное солнце, лениво втекающее уставшими лучами в арочное пространство окна, подсвечивает мою белую кожу, которая сейчас напоминает упаковку для особо хрупких грузов: вся в мелкую пупырышку, невыносимо чувствительная к прикосновениям.

У него пальцы как у пианиста — почему-то именно это сравнение сейчас приходит мне в голову. Длинные, сильные, каждое их касание обжигает, и я могу только представить, что будет, когда он дотронется до меня по-настоящему. Надеюсь, я не превращусь в горстку пепла... Хотя обещали, что не превращусь. Ему — сила, мне — спасение Веры и возвращение домой. Полный соцпакет, короче.

Глубоко вздыхаю, когда корсет на моей спине расходится и мужчина с хриплым выдохом тянет его вниз, цепляя ставшие невыносимо чувствительными соски грубыми краями. Я даже избежать этого прикосновения не успеваю, а в следующий миг меня уже

опалает другим: скольжением пальцев вдоль позвоночника, таким чувственным, таким долгим; он словно играет на мне, как на музыкальном инструменте, вызывая совершенно неправильные, противоречивые чувства.

— Мы так не договаривались. — Резко разворачиваюсь в его руках, прерывая ласку.

В темной синеве глаз вспыхивают и разгораются искры, разогревая радужку до состояния тонкой раскаленной паутинки или путеводителя по звездному небу.

— Как пожелаете, ларэй, — сухо и отрывисто, резко произносит он. — Кровать там.

Кровать — да. Она определенно там. Огромная, роскошная, с балдахином — правда, сейчас раскрытым, но в принципе способным скрыть любые непогрехства, которые тут можно творить, стоит лишь потянуть за шнурок. Вот я и тяну, но не за шнурок, а время — когда очень медленно, обхватив себя руками, шагаю к ней. Неудивительно, что мужчина успевает первым и, когда я сажусь, бесцеремонно запускает руки под меня. Обжигая ладонями ягодицы, стягивает с меня нижнюю юбку, саму меня подтягивает повыше и, без дальнейших прелюдий, склоняется надо мной.

... ГЛАВА 1 ...

Певицу с фамилией Ягодкина сложно воспринимать всерьез. Но придется

«**П**евицу с фамилией Ягодкина сложно воспринимать всерьез. Надя, возьми псевдоним», — говорил мне мой работодатель. В принципе, я даже была с ним согласна, но псевдоним не придумывался. Да и какой псевдоним вообще можно придумать для кафе «Ночная роза», где я исполняла на заказ песни для посетителей, не желающих слушать плейлист нашего диджея? За последний год под мои выступления делали предложение руки и сердца, несколько раз меня приглашали на юбилеи и дни рождения в рестораны на весь вечер, один раз — даже на корпоратив. Там один из клиентов, изрядно перебравший «Мозт Шадон», посоветовал мне:

— Шла бы ты, Надежда... на телевидение.

В этом тоже был резон, но где я и где телевидение? Тем более что одна звезда в нашей семье уже была, моя старшая сестра Вера, и вот у нее как раз был псевдоним. Верони́ка Райс, с ударением на «о». Моя сестра побывала и на местном телевидении, и на гастролях, и в свои двадцать два прошла кастинг на шоу «Голос». Ей как раз предстояло ехать в Москву,

когда на одном из выступлений она потеряла сознание и впала в кому.

Что случилось в тот вечер, никто не мог толком сказать. Сестра пела на юбилее очень влиятельного человека, зал буквально рыдал (такое часто случалось на ее выступлениях, я сама не могла сдерживать светлых слез, когда Вера пела: у нее был очень сильный проникновенный голос), а потом она просто упала... и все. Врачи так и не нашли для себя разгадки того, что произошло, просто констатировали факт: мол, кома — а больше мы ничего не знаем.

— Она вряд ли придет в себя, — так говорил главврач отделения, где лежала Вера.

— Ей бы в столицу, — говорили соседи. — Там, может, что-то и сдвинулось бы.

Я же продолжала верить и начала искать работу, чтобы можно было Веру свозить в Москву. Поэтому и перевелась на заочный, оставив мечту полностью погрузиться в профессию веб-дизайна, и тоже стала петь. Мне это позволяло обеспечивать нашу небольшую семью и откладывать на поездку, а еще, когда я пела, мне казалось, я становлюсь на шаг ближе к Вере. Самую чуточку. Могу дотянуться до нее через песни и позвать, чтобы она вернулась.

А что, если не вернется?

Отмахнувшись от мысли, которая в последнее время заставляла меня изображать ночное животное не сплюн или ворочаться в постели по два-три часа перед тем, как заснуть, я переделась. Сунула платье для выступлений — короткое, темно-синее — в сумку, туда же отправились бижутерия и туфли на каблучке в специальном футляре.

Облегченно вздохнув, перед тем как снова взвалить на себя эту ношу — на сей раз на плечо, я потянулась, вбила ноги в растоптанные кроссовки и вылетела к служебному входу, на бегу попрощавшись с охранником:

— До завтра, Сан Саныч.

— До завтра, Надежда! — махнул мне рукой седой мужчина, на груди которого красовалось неизменное «ЧОП “Кобра”». — Ты бы такси взяла, сегодня особенно тебя задержали.

— Да здесь недалеко. Добегу.

— Как твой поклонник? Больше не объявлялся?

Поклонником Сан Саныч называл мужчину, который регулярно приходил на мои выступления, заказывал ближайший к сцене столик и глазел на меня. Возможно, мы бы его и не заметили, но у него была очень запоминающаяся внешность: длинные, до лопаток, серебристые волосы, будто седые — несмотря на то, что сам мужчина был молодой; а еще пронзительные, ледяные глаза и неизменно черная одежда. Он напоминал гота или ролевика и всегда был один.

— Нет, — улыбнулась и выскользнула за дверь.

Дом, где мы жили, действительно располагался недалеко — в двух кварталах от кафе, в котором я пела. Такси я сейчас ждать буду дольше, чем идти пешком, район у нас тихий, да и май уже, ночи синие-синие, скоро совсем светлые станут. А ведь впереди еще целое лето! При мысли о лете в сердце раскрылась самая что ни на есть настоящая полянка с цветами, и оттуда отчетливо запахло земляникой. Сама не понимаю, как этот запах мог быть таким ярким: да, мы с бабушкой в детстве собирали землянику, и я помнила этот аромат как сейчас, но...

Помимо аромата за спиной резко стало светло: видимо, включился неработающий фонарь. На всякий случай я обернулась и застыла: вместо улицы передо мной раскрылась картина как из сказки или красивого фэнтези-фильма. Поляна, залитая солнцем, усыпанная разноцветьем, в частности — кустами земляники, которые и пахли так, что ум заходил за разум.

В моем случае — уже зашел очевидно, потому что посреди города этой поляне точно было неоткуда взяться. Особенно неоткуда было взяться искрящимся краям вокруг этой поляны, будто ее выдернули из какой-то другой реальности и вставили в нашу, и все же она меня манила, притягивала как магнитом. Ничего же не будет, если я просто туда загляну, да?

Я едва успела сделать пару шагов, как услышала чужие. Обернуться не успела, только бросить взгляд через плечо — ко мне приближался тот самый поклонник! Миг — и он уже рядом со мной, одно движение — и от толчка его ладоней я лечу на полянку. От неожиданности даже руки выставить и смягчить падение не получилось. Голова поздоровалась с травой и цветочками, но они не ответили. И неудивительно, потому что вокруг словно разом выключили свет и стало темно.

В себя я пришла оттого, что что-то легко щекотало мне щеку. Как выяснилось, это был краешек невесомой ткани, взлетающий и опадающий под дыханием ветра. Разлепив веки, я обнаружила над собой высоченный сводчатый потолок, подернутый дымкой жемчужного... балдахина?!